

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ГОВОРОВ КУБЕНО-ОЗЕРСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

*(Сообщение о диалектологической экспедиции
Вологодского педагогического института).*

Изучение местных (территориальных) говоров в их взаимодействии с общенародным языком в литературно обработанной его форме—одна из важных задач языкознания.

Диалектологической экспедицией Вологодского государственного педагогического института имени В. М. Молотова, организованной по заданию Института Языкознания Академии Наук СССР кафедрой русского языка, летом 1954 года были обследованы местные говоры четырех населенных пунктов Кубено-Озерского района Вологодской области (деревень: Колышкино, Павлово, Шолохово, Заболотное). Обследованные населенные пункты расположены в восточной части Кубено-Озерского района в направлении на северо-запад от города Вологды: деревня Колышкино Нефедовского сельсовета — на расстоянии 81 км, деревня Шолохово Кольцевского сельсовета — на расстоянии 51 км, деревня Павлово Новленского сельсовета — на расстоянии 67 км, деревня Заболотное Несвойского сельсовета — на расстоянии 44 км.

Основной задачей экспедиции был сбор сведений для Диалектологического Атласа русского языка; в соответствии с этим наблюдения велись преимущественно над речью старшего поколения, носителей традиционного говора. Диалектологи Вологодского педагогического института изучали, в соответствии с «Программой собирания сведений для составления Диалектологического Атласа русского языка», систему говоров (т. е. их звуковой и грамматический строй, а также словарный состав), а не

те или иные отдельные фонетические, грамматические или лексические явления.

Собранные нами диалектологические материалы недостаточны, однако, для характеристики кубено-озерских говоров в целом, так как мы ограничились обследованием говоров лишь восточной части района; для того же, чтобы решить вопрос об особенностях и группировке кубено-озерских говоров, необходимо проследить распространение тех или иных языковых явлений на всей территории района, что не представлялось возможным.

Говоры обследованных населенных пунктов Кубено-Озерского района, в основном, однородны (хотя они и характеризуются известными различиями, главным образом, в употреблении отдельных фонем) и являются типичными для вологодских говоров вологодско-кировской группы северновеликорусского наречия.

Диалекты, не являясь самостоятельными языками, «всегда сочетают в себе общие признаки данного языка с частными, специфическими признаками данного диалекта, как одно из ответвлений, разновидностей этого языка»¹⁾.

Изучение диалектов Кубено-Озерского района Вологодской области в сравнении с общенародным национальным языком в его литературно обработанной форме свидетельствует о том, что упомянутые говоры характеризуются в настоящее время целым рядом особенностей в области фонетики грамматического строя и словарного состава, хотя и испытывают значительное влияние литературного языка, постепенно теряя свою относительную самостоятельность. Фонетическая система, грамматический строй и словарный состав изучаемых говоров, как и других современных русских народных говоров, включает, наряду с явлениями, присущими общенародному языку в его литературно обработанной форме, явления, специфические для говоров северновеликорусского наречия.

Укажем наиболее существенные языковые черты (в области фонетики, грамматики и лексики), которые отличают изучаемые говоры от литературной формы общенародного русского языка.

Ударный вокализм обследованных говоров характери-

---

¹⁾ Р. И. Аванесов. Общенародный язык и местные диалекты. Издание Московского Университета. М. 1954, стр. 10.

зуется сравнительно с литературным языком некоторыми особенностями в употреблении гласных звуков, а также иными изменениями ударяемых гласных:

1) В соответствии с этимологическим «ять» под ударением перед мягкими согласными последовательно представлен гласный и:

бол'и'йот, в'и'н'ик, вм'и'с'т'э, вд'и'л'э, з'д'и'с', л'и'з'от, л'ин', м'и'с'эц', м'и'р'эл'и, над'и'л'ат, нав'и'с'ит, попр'и'ойт, погр'и'йс'о, пос'и'йэла, посп'и'л'и, св'и'ц'к'и, с'и'с'т'и (дер. Колышкино);

в'и'йол'и, жал'и'йот, ом'м'и'р'она, нам'и'ч'оны, пр'ил'и'п'им, роз'д'и'л'ат, согр'и'л'и, с'и'м'о (дер. Павлово);

в'и'д'ор, в'и'р'им, доброд'и'т'ил', зам'и'т'ила, зв'и'р', м'эдв'и'т', н'эокол'и'йот, насв'и'т'э, н'эрозум'и'йот, т'эмн'и'йот, хот'и'л'и (дер. Заболотное).

В соответствии с этимологическими «ять» под ударением перед твердыми согласными, а также на конце слов наблюдается гласный э. Ср.

в'э'тру, д'э'ло, зап'э'ла, м'э'сто, проб'э'гац'ца, р'э'па (дер. Колышкино);

б'э'лой, йэ'хат', л'эс, пол'э'но, с'э'рой (дер. Заболотное);

гд'э, наз'эмл'э', нарук'э', настол'э'.

2) В соответствии с ударяемым гласным «а» в положении между мягкими согласными в обследованных говорах последовательно произносится гласный э:

гор'э'ца (им. ед. ж. р.), з'э'т', м'э'ц'ик, нав'ин'ц'эн'йо, п'э'ц'эл', п'йэ'н'иц'а;

вз'эт', гон'э'йут, затвор'э'т', м'эт', нан'эт', оз'э'б'ли, пр'э'ли, рыц'э'т' (дер. Колышкино);

гр'эс', гор'э'ч'ой, м'эч', набол'э'ч'к'э, оп'э'т', пр'э'н'ик, настаул'э'т', нам'ич'э'ли, отв'ич'э'т', пон'э'т', сн'э'ли, т'э'н'оццо (дер. Заболотное);

п'э'л'ца, п'э'т'оро, пр'э'н'ик (дер. Шолохово);

вм'э'ц'ик, наобр'э'д'э, нап'э'л'цах, бойэ'л'ис', в'ин'ч'э'л'ис', гул'э'ли, зам'иц'э'йу, истопл'э'т' (дер. Павлово).

Следствием ассимилятивного изменения гласного а в э под ударением между мягкими согласными является чередование гласных а: э под ударением после мягких согласных, зависящее от твердости или мягкости последующего согласного звука: гр'а'зной — гр'эс', нэпон'а'тной — пон'э'т', кр'ич'а'ла — кр'ич'эт' и т. д.

Особенностью безударного вокализма обследованных говоров является полное оканье. Примеры:

прос'и'у, нога', коро'ва, смотре'э'у; поскор'э'й, посади'т', похвора'йом, посыла'эт;

вго'род'э, вы'прос'иу, до'рого;

го'рот, о'вот, д'э'вок;

оби'дно, м'э'сто, со'в'эсно.

Безударный гласный «о» последовательно произносится в приставках *роз-*, *рос-* (ср. литер.: *раз-*, *рас-*), например:

розда'т', розди'л'и'т', розрэшы'т', розли'чи'т', розум'и'йот, рос'т'от, росска'зывают, росто'ргнут, росп'э'л'иват, а также в начальном сочетании ро в словах: робо'та, робо'гат', робо'тн'ик (ср. литер.: работа).

В говоре деревень Шолохово и Заболотное отмечено сохранение этимологического гласного *о* в предударных слогах в словах:

стока'н, стока'шк'и, кола'ч' (ср. в древнерусском языке: достокань¹⁾, колачь, колаченьник²⁾).

Гласный *о* в первом предударном слоге произносится также в словах: зобо'та, бора'н, отла'с (ср. в древнерусском языке: борань-барань, Срезневский, т. I, стр. 151; зобота — забота, там же, т. I, стр. 89, отлась, атлась, отласьць, там же, том II, стр. 758).

В говоре деревень Колышкино и Павлово упомянутые слова произносятся с гласным *а*: забо'та, бара'н, стака'н.

В говоре деревни Заболотное гласный *о* в соответствии с этимологическим *а* в предударных слогах отмечен в слове: тор'э'ука, а также в словах: окура'тной, окура'т'н'эн'ко (ср. литер.: аккуратно, латин. *ассигатус*).

В соответствии с этимологическим *ять* в первом предударном слоге перед мягкими согласными в изучаемых говорах последовательно наблюдается гласный *и*.

би'ли'л'и, вгн'из'д'э', д'ив'и'ца, д'ит'э'й, йид'ат, л'ич'и'т', побил'э'у, пом'ин'а'ла, см'ий'у'цо (дер. Заболотное);

би'г'и', би'л'я', б'ид'н'ашка, в'ин'ц'э'н'йо, д'ил'и'л'и, зв'ир'йо', л'ин'и'вин'ка, стр'ил'э'т', укр'ип'и'л'и (дер. Колышкино);

зам'иц'э'йу, роз'ди'л'и'л'ис', стр'иц'э'т', с'т'ис'н'э'й'о'цо (дер. Павлово);

¹⁾ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. 1893—1912, стр. 715.

²⁾ Там же, стр. 1249.

Перед твердыми согласными на месте этимологического «ять» в указанном положении произносится гласный э: р'эка', б'эда', посп'эва'т' в'эдро' с'эдо'й, л'эсо'к, вл'эсу', цв'эты'.

Этимологический гласный э в первом предударном слоге после мягких согласных как перед мягкими, так и перед твердыми согласными обычно сохраняет свое качество:

в'эл'у', с'эм'йу', пр'ин'эс'и', пр'ив'эд'и', в'эл'э'у, д'эр'э'ун'а; с'эстра', пр'ив'эзла', с'эло', в'эсло', зас'эло'м, исп'эку'т, с'эстры' и т. д.

Однако в положении перед твердыми согласными в соответствии с этимологическими э, ь в первом предударном слоге возможен также гласный о. Примеры:

з'орна', гор'ова'ла, похл'оба'л'и, т'опла', фс'огда' (дер. Колышкино);

в'осло'м, загр'оба'йут, св'окро'ука, сл'оза'м, с'т'окло' (дер. Павлово);

бр'оуно', нахл'оста'у (дер. Шолохово);

закл'ова'л'и, з'орно', напл'ова'т', ут'оса'ла (дер. Заболотное).

В указанном положении в обследованных говорах наблюдаются колебания: в произношении одного и того же лица возможен как гласный э, так и гласный о (последний значительно реже).

В говоре деревень Колышкино и Павлово отмечено произношение гласного о в первом предударном слоге после твердых шипящих *ш, ж* в соответствии с этимологическим э. Указанное произношение является, повидимому, отражением ёканья:

жона', жона'тыйо, жон'и'х, жон'и'ус'о, пшоно', жону', жолу'док, ужоны', жон'э', пшон'и'ца (пшон'и'ц'а).

В говоре деревень Шолохово и Заболотное, где ёканье в первом предударном слоге наблюдается значительно реже, чем в говоре деревень Колышкино и Павлово, в первом предударном слоге после шипящих *ш, ж* в соответствии с этимологическим э, как правило, представлен гласный э:

жэна', жэна'той, пшэно', шэсто'к, пшэн'и'ца, жэл'э'з-ной, ужэны'.

Гласный а в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми сохраняет свое качество:

вз'ала', выт'ага'йут, р'атка'м, св'аза'л'и (дер. Павлово);

п'атно, п'ато'к, пл'аса'ла, кр'або'й, тр'асла' (дер. Колышкино);

пр'адут, пот'ану', р'абу'йу, р'ады', тр'асут (дер. Заболотное).

Перед мягкими согласными в соответствии с гласным *а* в первом предударном слоге после мягких в обследованных говорах произносится гласный *э*:

напр'эд'и', п'эт'и', нар'эд'и'ус'о, гл'эд'э'ла, напр'эд'о'м.

Изучаемые говоры характеризуются широким распространением ёканья в заударном положении. Гласный *о* в положении после мягких согласных, а также после шипящих *ж, ш* наблюдается в соответствии с этимологическими *э, ь*, как правило, в заударном конечном закрытом слоге. Примеры:

д'э'н'ок, уну'ц'ок, в'и'т'ор, ло'жок, ка'мн'ом, сто'рожом, засв'э'жой, с'и'н'ой, буд'от, оз'э'б'н'от, попр'и'йот, росска'жот, л'и'э'от, поц'ита'йот (дер. Колышкино);

ка'т'ор, вну'ч'ок, наб'э'р'ок, сму'жом, ко'шок, д'э'воч'ок, корма'шок (дер. Шолохово);

скры'шой, п'и'с'он, ста'н'ой, сму'жом, задр'э'мл'ош, зайигра'йот, поцка'жот, умо'йт'ос', н'эсад'и'т'ос', па'шот (дер. Павлово);

сва'р'он, по'л'ом, спл'ач'ом, па'хн'от, н'этр'он'от, н'эокол'и'йот, устан'ош, побр'эзгуйот (дер. Заболотное).

Гласный *о* произносится также в заударном конечном открытом слоге: 1) в именительном — винительном падеже единственного числа существительных среднего рода с основой на согласный *ј*:

воскр'ис'э'н'йо, в'ин'ц'э'н'йо, жа'лован'йо, ко'л'йо, пот'по'л'йо, (дер. Колышкино);

за'болот'йо, запушч'э'н'йо, собр'ан'йо, рукод'и'л'йо, уго'л'йой, умыва'н'йо. (дер. Павлово);

восп'итан'йо, зайавл'эн'йо, пита'н'йо (дер. Заболотное);

2) во флексии именительного — винительного падежей единственного числа имен прилагательных среднего рода, а также в окончании именительного — винительного падежей множественного числа прилагательных:

баск'и'йо, гл'убо'койо, жо'утойо, к'и'сл'ийо, т'ру'днойо, ц'ужы'йо (дер. Колышкино);

голубо́йю, жы́рныйю, свэ́жийю, ста́ройю, то́нк'ийю, то́устойю (дер. Павлово);

до́брыйю, лэ́сныйю, родны́йю (дер. Заболотное);

3) в суффиксе сравнительной степени прилагательных и наречий:

б'ид'н'а́йю, б'ил'а́йю, добр'а́йю, крас'н'а́йю, юуч'а́йю, т'эпл'а́йю;

4) в окончании второго лица множественного числа повелительного наклонения глаголов:

бэ́р'и'т'о, мо́жыт'о, сп'и'т'о (дер. Колышкино);

нэ́суд'и'т'о, настаул'э́йт'о, погл'эд'и'т'о, (дер. Павлово);

гр'и'йт'о, нэм'эша́йт'о, нэ́тро'н'т'о, пойма́йт'о, уч'и'т'о (дер. Заболотное).

В говоре деревень Павлово и Заболотное ёканье спорадически встречается также в заударном неконечном слого:

гри́йюццо, ом'м'и'р'она, тр'э'т'йово (дер. Павлово);

пова́шому, д'э'н'ошк'и, назна'ч'оны, сун'оццо, т'э'н'оццо (дер. Заболотное).

Основные особенности консонантизма обследованных говоров сравнительно с литературным языком состоят в следующем:

1) Говоры восточной части Кубено-Озерского района характеризуются наличием так называемого «среднего» «л» в положении перед гласными звуками в соответствии с твердым л литературного языка. Примеры:

во'логда, го'ло́дны, зац'а'ла́, зо'лото́й, пло'хо, пок'ло-н'и'с', роз'лом'и'т', шо'лохо́во (дер. Колышкино);

бэ'лой, голу́бы'йю, лома́йют, нэ́сказа́ла, то́пла́ (дер. Заболотное);

ба'лова'т', г'лубо́ко, задав'и'ло, н'икола́й, осты'лой, т'элу́шку (дер. Шолохово);

нала'уку, пла'ц'ош, с'и'ло'с, т'э'пло', ход'и'ла (дер. Павлово).

Кроме так называемого «среднего» «л» в обследованных говорах, как и в литературном языке, имеется л мягкий: лэ́нта, л'ин', л'убл'у́ и т. п.

В положении перед согласными звуками и на конце слова в соответствии с твердым л литературного языка в говорах произносится у неслоговое:

во'ук'и, жон'и'ус'о, жа'уко, коухо'с, посы'уку, по'уно; посла'у, пон'има'у, рос'т'эр'а'у, уб'и'у, хлэ́сн'уу и т. д.

2) Долгий фрикативный шипящий согласный *ж* в говоре деревень Колышкино, Павлово, Шолохово является звуком твердым:

до'жжыка, уйэжжа'т', дрожжа'у, дро'жжы, в'ижжа'т, во'жжы, пойэжжа'на.

В говоре деревни Заболотное долгий шипящий *ж* произносится мягко:

во'ж'ж'и, дро'ж'ж'и, вож'ж'э'ч'к'и, йэж'ж'у, до'ж'ж'и-ч'ок, в'иж'ж'а'т'.

Сочетание *шч'* наблюдается в говоре деревень Колышкино, Павлово, Шолохово на месте общеславянского сочетания *ш' ч'*: ро'шч'а, пушч'у, угошч'э'т', а также на месте древнерусских сочетаний: съч, зъч: н'эшч'э'с'йо, во'шч'ик, разно'шч'ик.

В говоре деревни Заболотное на месте упомянутых сочетаний представлен долгий мягкий шипящий *ш'*:

иш'ш'у, та'ш'ш'ит, н'эопуш'ш'у, н'эш'ш'ита'ус'о, ш'ш'ас-л'и'во, во'ш'шик.

3) Говор деревни Колышкино характеризуется неразличением аффрикат *ц*, *ч*. В соответствии с литературными *ц*, *ч* в упомянутом говоре представлена мягкая аффриката *ц'*. Примеры:

вну'ц'ка, лоуц'а'йо, м'э'лоц', обо'ло'ц'ка, п'йэн'ц'у'га, поц'ита'йот, св'и'ц'к'и, ц'а'сто, ц'э'йн'ик;

вод'и'ц'и, корм'и'л'эц', л'иц'о', м'и'с'эц', огурц'и', ц'в'и-г'от и т. д.

В говоре деревни Павлово цоканье встречается лишь спорадически. В говоре деревень Заболотное и Шолохово звуки *ц* и *ч* последовательно различаются. Зубная аффриката *ц* — тверда, небно-зубная аффриката *ч* — мягка:

пл'эч'о', по'луч'и'у, ч'а'сто; концы', у'л'ица, цэ'ло'й и т. д.

4) Согласный *в* губно-зубного образования произносится в изучаемых говорах только перед гласными звуками: во'ук, во'л'н'о, вы'пау. В положении перед согласными звуками в середине слова, а также на конце слова в соответствии с этимологическим *в* наблюдается гласный *у* неслоговое ¹⁾.

Примеры:

бу'ла'ука, д'э'ук'и, дауно', го'ло'укой, мо'нко'уку, пра'уда, торго'уц'и; го'ло'у, гото'у, коро'у (дер. Колышкино);

¹⁾ Гласный *у* неслоговой в примерах обозначается буквой *у*.

д'эр'э'ун'а, застаул'э'л'и, пра'уда, пу'гоука, сл'и'ук'и (дер. Шолохово);

гото'ул'у, на'ла'уку, согоро'доу, цвэ'тко'у (дер. Павлово).

В говоре деревни Заболотное в соответствии с этимологическим *в* перед глухими в середине слова, наряду с *у*, употребляется и глухой согласный *ф*, причём колебания возможны в речи одного и того же лица:

д'э'ук'и, кладоуш'ш'и'к, тра'ука. Ср. д'э'фк'и, ла'фк'и, офса'.

Согласный звук *ф* как самостоятельная фонема возможен в обследованных говорах лишь в словах иноязычного происхождения. Например: фа'бр'ика, фона'р', ф'унт, сарафа'н, то'рфа и т. д.

В говоре деревни Колышкино на месте согласного *в* в начале слова перед согласными спорадически наблюдается слоговое *у*: уну'к, уну'ц'ок.

Ср. однако: вну'ц'ка, вдова', вм'и'с'т'э.

В говоре деревень Павлово, Шолохово, Заболотное в указанном положении произносится губно-зубной фриктивный согласный *в*.

5) На месте среднеязычного звонкого фриктивного согласного *j* (й) в заударном положении в результате ослабления артикуляции произносится гласный звук *й* (неслоговое):

зна'йот, забыва'йот, заигра'йот, похл'эба'йот, робо'тайот, соупада'йот.

В обследованных говорах наблюдается также дальнейшее ослабление и утрата звука *й* в заударном положении. Примеры:

выт'эка'эт, игра'эт, исхуда'эт, н'экуса'эт, н'эропуска'эт, н'эупр'эва'эт, обн'има'эт, робо'таэт.

Отмечена и следующая ступень изменения — стяжение гласных звуков в результате ассимиляции последующего гласного предыдущему после утраты интервокального *j*:

вы'ругат, заробо'там, игра'т, зна'т, п'эр'эд'э'лат, поку'р'иват, угова'р'иват, швыр'а'т.

Утрата звука *й* в заударном положении после гласного звука и последующее стяжение гласных — живой процесс во всех обследованных нами говорах.

Утрата интервокального *j* и последующее стяжение гласных в глагольных формах наблюдается преимуще-

ственно в сочетании *айэ*. Стяжение гласных звуков как следствие утраты интервокального *j* широко представлено также в именах прилагательных:

б'э'дна ба'ба, зан'а'тна д'э'ука, гор'э'ц'а зола', ру'ска п'эц', ста'ро с'эло' (дер. Колышкино);

з'и'мн'о вр'и'м'о, но'вы л'у'д'и, хоро'шо мо'локо', сыры' лрова' (дер. Павлово);

бога'ты сва'р'бы, г'лубоку'шч'и йа'мы, парно' мо'локо', ста'р'эн'ку ма'т', т'а'г'лову с'и'лу (дер. Заболотное).

6) В речи отдельных жителей деревни Павлово наблюдается шепелявое произношение мягких свистящих согласных *с''*, *з''*.

з''има', з''эмл'а', с''э'но, о'с''эн' и т. д.

Однако такое произношение отмечено лишь в отдельных семьях и не является, повидимому, фонетической нормой для говора. Возможно, на более ранней ступени развития говора шепелявое произношение звуков *с'*, *з'* было распространено шире.

7) В говоре деревень Шолохово и Заболотное наблюдается ассимилятивное смягчение заднеязычного согласного *к* под влиянием предшествующих мягких согласных. Например:

д'эс'а'точ'к'а, зв'о'здоч'к'а, м'и'с'т'эч'к'а, л'э'йк'а, м'э'у-кон'к'ой, окура'т'н'эн'к'о, ста'р'эн'к'а, шэн'э'л'к'а (дер. Заболотное);

вал'к'о'м, вну'ч'к'а, запа'ч'к'ау, соба'ч'к'а, хоз'а'йк'а (дер. Шолохово).

В говоре деревни Заболотное возможно также смягчение заднеязычных *г*, *х* в положении после мягких согласных звуков:

в'эр'х'о'м, зд'эн'г'а'м, доч'э'тв'эр'г'а', св'э'р'х'у.

8) В сочетании *л'н* согласный *н* смягчается под влиянием предшествующего мягкого согласного *л'* в обследованных говорах и в тех случаях, когда за ним следует гласный непереднего ряда:

бол'н'а'йа, опход'и'т'эл'н'айа, самостойа'т'эл'н'ой, уд'н'в'и'т'эл'н'о (дер. Колышкино);

бо'л'н'о, дово'л'н'о, изол'н'у', рукод'и'л'н'а', с'т'эл'н'айа (дер. Павлово);

бол'н'о'й, пита'т'эл'н'о, уд'ив'и'т'эл'н'о (дер. Заболотное);

во'л'н'о, н'эд'и'л'н'айа, ласка'т'эл'н'а, ссы'л'н'айа, шта'п'эл'н'о полотно' (дер. Шолохово).

В словах «большой», «больше» произносится так называемое «среднее» *l*: бо́лшо'й, бо'лшэ.

9) Из ассимилятивных изменений отметим также уподобление звонкого губного согласного *б* последующему сонорному носовому *м* в сочетании *бм*. В результате этой ассимиляции сочетание *бм* изменяется в *мм*:

омма'н, омма'нывам, ом'м'и'р'ау, омма'зау (дер. Колышкино);

оммо'ч'ит, омма'ном, ом'м'и'р'ивай (дер. Шолохово);

Сочетание *дн* в изучаемых говорах изменению не подвергается. Ср. голо'дны, ла'дно, м'э'днайа, тру'днойо, хо'лодно.

10. На месте древнерусского сочетания *чьн* в обследованных говорах широко представлено сочетание *шн*:

кон'э'шно, пор'а'дошно, ц'в'это'шной (дер. Колышкино);

мушно'й, наро'шно, н'эуда'шныйо, р'эшно'й, рушно'й (дер. Заболотное);

пор'а'дошной, простос'эрд'э'шной, пл'отн'ишной (дер. Павлово);

молю'шной, н'эо'болюшно, рушн'а' ко'шка, по'цс'оу-нышн'ойо ма'слю (дер. Шолохово).

11) В соответствии с взрывным задненебным согласным *к* в положении перед взрывными *т*, *к*, *п* в результате диссимиляции по способу образования в обследованных говорах произносится фрикативный задненебный согласный *х*:

трахтор'и'с, н'эхто', хто (дер. Колышкино);

хкоз'э, хкоро'вам (дер. Заболотное);

хпа'рн'у, спроду'хтам, пра'хт'ику (дер. Шолохово).

В лексике, заимствованной из литературного языка, подобная диссимиляция наблюдается реже.

12) В обследованных говорах наблюдается утрата согласных *т'*, *т* в конечных сочетаниях *с'т'*, *ст*:

кос', сырос', х'и'трос' мос, пос.

Отметим наиболее существенные специфические особенности грамматического строя обследованных говоров:

Круг имен существительных мужского рода неодушевленных, имеющих окончание *у* в родительном падеже единственного числа, шире, чем в литературном языке, хотя окончание *у* употребляется, в основном, при тех же условиях, что и в литературном языке. Примеры:

тр'э'буйот р'эмо'нту, н'э'было зака'зу, нам'э'сто о'д-

дыху, дл'апор'а'тку, изго'роду, искры'му, иссоухо'зу, изб'эр'э'з'н'ику, стово'б'эр'эгу; укра'йч'ику, доскла'ду, уккры'жо'ун'ику.

Несколько шире, чем в литературном языке, употребляется ударяемое окончание *y* в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы в сочетании с предлогами *в, на*:

вдому', напойэзду', наострову' и т. д.

В отдельных случаях однако в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода употребляется архаическая флексия *э* в соответствии с флексией *y'* литературного языка:

вл'и'с'э, фпро'шлом го'д'э, фпруд'э'.

Указанные формы встречаются, преимущественно, в речи старшего поколения.

Имена существительные мужского рода с суффиксом *ушк, ишк*, обозначающие лицо и имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *о* в обследованных говорах, изменяются по образцу существительных мужского рода второго типа склонения:

при'шо'у бат'ушко, при'б'эжа'у мал'ч'и'шко; жы'л'и б'эзба'т'ушка, д'э'душка н'э'было до'ма (дер. Заболотное); вго'с'т'и гд'э'душку, йи'з'д'иу вго'рот зд'э'душком (дер. Шолохово).

Имена существительные среднего рода на *м'о* (древние основы на *ен*) не имеют в косвенных падежах единственного числа «наращения» *ен* и изменяются по образцу существительных мягкого варианта среднего рода на *о*:

уно'гол'и вр'и'м'ато?, и'з'д'йу зас'и'м'ом, н'э'тл'и с'и'м'а увас?, успэ'у ковр'э'м'у.

Имена существительные иноязычного происхождения (к'ино', пал'то' и т. п.), а также сложносокращенные слова (с'эл'по', райзо') изменяются в изучаемых говорах по образцу имен существительных среднего рода на *о*.

Имена существительные женского рода третьего типа склонения имеют в дательном и предложном падежах единственного числа окончание *э*, возникшее, как известно, под влиянием склонения существительных женского рода на *а*. Флексия *э* в одних случаях является ударяемой, в других, значительно реже, — безударной:

кноц'э', клошад'э', нап'эц'э', вгр'эз'э', поо'ц'эр'эдэ',

ко'с'эн'э, напос'т'эл'э (дер. Колышкино); напр'ив'эз'э, на-
юшад'э, фп'эц'э, фкос'т'э, прибы'тнос'т'э (дер. Забо-
лотное).

Окончание творительного падежа единственного чис-
ла существительных женского рода третьего типа склоне-
ния — *йой* — является результатом контаминации, где *й* — из исконного окончания существительных указан-
ного типа, а *ой* — из окончания творительного падежа
единственного числа существительных женского рода
на *а*:

кро'йот дра'н'йой, см'ид'йой, згармо'н'йой, но'ц'-
йой, гр'эз'йой, ло'шад'йой, дв'эр'йой (дер. Колышкино);
ша'л'йой, цы'п'йой (дер. Павлово).

Более широко, чем в литературном языке, распростра-
нено в именительном падеже множественного числа су-
ществительных мужского рода ударяемое окончание *а*:
снопа', круга', взйезда', кон'уха', жит'эл'а'.

Безударное окончание *а* представлено в именительном
падеже множественного числа существительных мужского
рода с суффиксом *анин* в единственном числе и *ан* — во
множественном числе:

хр'эс'йа'на, вологижа'на, пойэжжа'на, а также в имени-
тельном падеже множественного числа существительных
с суффиксами *ишк*, *ат-ишк*, *ат-к* со значением пренебре-
жительности, снисходительной иронии:

дров'и'шка, йа'блоч'и'шка, глаз'и'шка, роб'ат'и'шка, ро-
б'а'тка, кот'а'тка, гус'а'тка.

Шире, чем в литературном языке, распространено
окончание *а* (как ударяемое, так и безударное) в име-
нительном падеже множественного числа после *й*, ослож-
няющего основу существительного во множественном чис-
ле. Например.

л'эд'йа', сват'йа', боран'йа', гвозд'йа', угольа.

Имена существительные мужского рода с основой на
согласный *ц*, мягкий в говоре деревни Колышкино и твер-
дый в говоре деревень Шолохово, Заболотное, Павлово,
имеют в форме родительного падежа множественного
числа окончание *эй*:

зайц'э'й, м'ис'эц'э'й, огурц'э'й, пал'ц'э'й (дер. Колыш-
кино);

гос'т'и'нцэй, торго'уцэй, оццэй (дер. Шолохово, Пав-
лово);

со'рок концэй, молоццэй (дер. Заболотное).

В обследованных говорах представлены архаические формы родительного падежа единственного и множественного числа существительного «день».

сэ'тово д'н'и, сыл'йина' д'н'и, допосл'э'д'н'их д'он.

Однако отмечены и литературные формы: д'н'а, д'н'э'й.

Изучаемые говоры характеризуются совпадением форм дательного и творительного падежей множественного числа всех склоняемых слов (т. е. существительных, прилагательных, местоимений и числительных) в форме дательного падежа множественного числа:

задво'ра'м, ма'йус' зуба'м, с на'шым роб'а'там, пло'хо скорма'м, гул'а'т здву'м д'э'ушкам, свои'м груд'а'м кор'м'и'ла, сосв'э'жым гриба'м, сэ'дак'им ко'сам, би'л'и т'а'жо'лым молотка'м.

Литературные формы творительного падежа множественного числа утверждаются в обследованных говорах очень медленно.

В дательном падеже единственного числа личного местоимения первого лица, параллельно с формой *мн'э*, возможна форма *м'ин'э*, возникшая под влиянием основы родительного — винительного падежей: *м'ин'а'*.

В родительном—винительном и дательном—предложном падежах единственного числа личного местоимения второго лица встречаются формы *т'ийа'*, *т'ийэ'*, возникшие в результате ослабления звонкого взрывного согласного *б*. Эти формы употребляются параллельно с формами *т'иб'а'*, *т'иб'э'*, но значительно реже последних.

Формы косвенных падежей личных местоимений третьего лица единственного и множественного числа в сочетаниях с предлогами употребляются как с начальным *н*, так и без него. Ср. *сн'эйо'*, *ун'эво' бы'у*, *сйо'й жив'о'т*, *уи'х н'эт пра'уды*.

Именительный падеж множественного числа личных местоимений третьего лица имеет форму *он'э'*.

Полные прилагательные мужского рода последовательно сохраняют безударное окончание *ой* в форме именительного падежа единственного числа. Например:

бл'изору'кой, с'эр'д'и'той, уда'лой, сва'д'эбной, р'э'ткой, б'и'д'н'эн'кой.

Полные прилагательные женского рода имеют в родительном падеже единственного числа, наряду с флексиями *ой*, *эй*, архаические флексии *ыйо*, *ийо*. Последние отмечены, главным образом, в речи старшего поколения.

Примеры:

умолодо́й д'э'ушк'и, крупно́й з'эмл'эн'и'ц'и, с'и'н'э́й л'э'нты.

Ср.: ц'о́рныйо, сморо́д'ины, ста́рыйо стару́хи (дер. Колышкино); умо́лоды'йо ба́бы, лу́ч'ч'э гороцк'и'йо (дер. Павлово); коухо́зныио карто́шк'и, н'икак'и'йо стро́йк'и (дер. Шолохово).

Формы сравнительной степени прилагательных и наречий образуются при помощи суффиксов *айо, э, шэ*:

крас'н'а'йо, пов'эс'эл'а'йо, поз'н'а'йо, пот'эпл'а'йо, поун'а'йо, св'этл'а'йо, скор'а'йо, скус'н'а'йо, сытн'а'йо, умн'а'йо, холод'н'а'йо,

бо'л'э, д'эшэ'ул'э, доро́жэ, побога'т'э, пов'эртова'т'э, попл'о'шэ, пото'н'э, м'э'нше, бо'л'шэ.

Инфинитив глаголов оканчивается на безударное *ти* в тех случаях, когда ему предшествует согласный *с*:

пой'с'т'и, пр'э'с'т'и, с'и'с'т'и, укла'с'т'и, укра'с'т'и.

В говоре деревни Колышкино инфинитив глаголов с основой настоящего времени на задненёбный согласный сохраняет упомянутый согласный в конце основы перед суффиксом:

б'эр'экц'и', п'экц'и', с'т'эр'екц'и'.

Особенностью всех обследованных говоров является сохранение старых форм второго лица единственного числа настоящего времени глаголов «есть» (кушать), «дать» с флексией *си*:

уно'гол'и дас'и' зако'рм?, хлэ'п йис'и'.

Глагол «есть» (имеется) употребляется в форме йэ'с'о, йэ'с'отко.

В изучаемых говорах, как и во многих говорах вологодско-кировской группы, широко употребляются формы второго лица множественного числа глаголов первого спряжения с окончанием *ит'о*:

жив'нт'о', знаит'о', найд'ит'о', п'и'шит'о'.

Возвратная частица глаголов употребляется в форме *с'* (после гласных) *с'о* (после согласных, за исключением согласного *т*; а также после *у* неслогового);

поклон'и'с', пообр'ажу'с', пр'иснас'т'и'лас', розйэ'хал'ис', тр'э'бовалос';

договор'и'мс'о, загр'эз'н'и'с'с'о, погр'и'йс'о, нап'йо'с'с'о, розговор'и'мс'о, росо'хс'о, смы'ус'о, улыбну'ус'о.

На стыке согласного *т* (суффикса инфинитива или личного окончания глагола) с возвратной частицей *ся* на-

блюдается слияние звуков, возникает долгая аффриката *ц*, мягкая в говоре деревни Колышкино и твердая — в говоре остальных обследованных деревень:

сва'таццо, д'ил'и'ццо, д'оржа'ццо, мы'ццо, од'д'и'л'э'ццо, остайо'ццо, пр'ихо'д'и'ццо, сун'оццо, торгова'ццо (Шолохово, Заболотное, Павлово);

вал'иц'ц'а, в'эду'ц'ц'а, дожда'ц'ц'а, зарод'а'ц'ц'а, п'эц'л'ид'ц'а, позабо'т'и'ц'а, проко'рм'и'ц'а, ро'с'т'и'ц'а (дер. Колышкино).

Все обследованные говоры характеризуются употреблением именительного падежа существительных на *а* в роли прямого дополнения при инфинитиве переходных глаголов:

кос'и'т' трава', доста'т' кр'и'ноц'ка мо'лока', машы'на прода'д'бы (дер. Колышкино);

ку'р'ицэ голова' отруб'и'т', мо'жно карто'шка ста'в'ит, кос'и'т' уса'д'ба (дер. Заболотное);

ста'ла мука' си'йэт' в'эл'э'ла п'э'ч'к'а устро'ит' (дер. Шолохово).

Значительно реже употребляется именительный падеж существительных на *а* при личных формах глагола: отруб'и' голова', кос'и'у трава'.

Существительные на *а* в именительном падеже единственного числа употребляются также в сочетании с предикативным наречием «надо» и обозначают тот предмет, надобность которого выражается говорящим:

йо'й коза' на'до, мн'э' шу'ба н'эна'до, йэму' ко'шка на'до (дер. Колышкино), йэму' жэна' на'до, фс'э'м коп'э'йк'а на'до (дер. Заболотное);

на'до хоро'ша пого'да, на'до нам машы'на (дер. Шолохово).

В изучаемых говорах при именах существительных и прилагательных широко употребительна постпозитивная частица. При существительных в именительном падеже единственного числа мужского рода постпозитивная частица имеет обычно форму *от*, реже — *то*; при существительных в именительном падеже единственного числа женского или среднего рода — форму *то*. Например:

йэ'с' ру'бл'от, л'э'сот задворо'м, п'эту'хот вза'городу хо'дит, проб'ил'и'т' л'о'нот, гум'э'н'н'икот избр'о'в'он; худо'йа изба'то, ба'бато у'мэ'рла', доска'то з'д'и'с'; з'орно'то сыро'йо, худо'йо пла'т'йото, фста'ро вр'и'м'ото.

При существительных именительного падежа множе-

ственного числа постпозитивная частица выступает в форме *ти*.

д'эн'жо'нк'ит'и напра'з'ник йэс', зоот'э'хн'ик'ит'и пр'ийэжжа'йт, дрова'т'и сыры'йо.

При существительных в косвенных падежах единственного и множественного чисел всех трех родов употребляется обычно форма *то*. Например:

в'э'ткуто пр'игото'в'ит', хл'э'пцато н'эт, оч'ко'уто н'эт ум'ин'а', ско'л'к'о вр'э'м'ато бол'э'у? (дер. Заболотное).

коро'выто н'э'тутко, пр'ийэ'хала кму'жуто, з'д'эн'га'мто хорошо' (дер. Шолохово).

В обследованных говорах встречается согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном единственным числом существительного, имеющего собирательное значение:

наро'т в'эс' отв'эрну'ццо (дер. Шолохово), посторо'нной наро'т смо'тр'ат, род'н'а' пр'ийэ'хал'и (дер. Павлово) бр'ига'да робо'тайут, штозанаро'т жы'ут (дер. Заболотное).

В наших говорах наблюдается сочетание винительного падежа с предлогами *водле*, *подле* для выражения пространственных отношений:

во'дл'э л'э'с, по'дл'э л'э'с, во'дл'э о'з'эро.

Предлоги *водле*, *подле* употребляются также в сочетании с родительным падежом имен существительных:

во'дл'э л'э'су, р'ики'; по'дл'э р'э'ч'к'и.

Наряду с творительным падежом в сочетании с предлогом *за* в изучаемых говорах широко употребляется винительный падеж в сочетании с предлогом *по* в значении цели:

задрова'м, зайа'годам, заоццо'м, запр'э'тс'эда'т'эл'ом.

Ср.: подро'ва', похл'э'п, пома'сло, поцв'эты', пойма'бл'оч'и'шка, побр'игад'и'ра, побыка', пон'э'в'э'сту, пооцца'.

Широко употребителен сложный предлог *по-за* в сочетании с дательным или творительным падежом для выражения пространственных отношений:

ид'и' поза'лушку', позад'эр'э'ун'э шла' (дер. Павлово).

позапо'л'у ид'и, поза'лушку' б'иг'и' (дер. Заболотное).

позан'эф'о'дову на'до ит'т'и', позадо'му о'з'эро (дер. Қолышкино).

Ср.: позакорму'шкам понэ'сл'и', позаго'родом гул'э'л'и, позаматв'э'йэск'им.

Частица *да* возможна в конце предложения для закрепления высказанной мысли. Например:

дом про'дал'ида, от'эдздама'д'да, круго'м вода' да-
луга'да (дер. Заболотное). Она' дан'у'ра дага'л'ада,

Есть основания полагать, что в обследованных говорах шире, чем в литературном языке, употребляется родительный падеж при переходных глаголах, имеющих при себе отрицание, а также при инфинитивах, которые зависят от глаголов с отрицанием:

н'эпр'ив'эду' *tely'ush'и*, н'эста'ла покупа'т' коро'вы и др.

Таковы основные специфические черты звуковой системы и грамматического строя обследованных говоров.

Словарный состав обследованных говоров Кубено-Озерского района включает в свой состав, наряду со словами, являющимися принадлежностью словарного состава общенародного языка в его литературной форме, слова, характерные для говоров северновеликорусского наречия и отсутствующие в литературном языке. Отметим некоторые слова, специфические для севернорусских говоров, в словарном составе обследованных говоров:

ос'э'длос' — место, на котором находится дом с хозяйственными постройками; вы'шка — чердак; хл'э'ф — помещение для скота; молот'и'ло — цеп; го'уб'эц, го'уб'эц' — ход в подполье; зы'пка — колыбель; жы'то — ячмень; пов'э'смо — горсть льна, пучок, моток; к'ир'п' — десять десятков льна; страда' — уборочная пора; по'моч' — коллективная помощь в сельской работе; пово'йн'ик — женский головной убор; п'э'п'эу — зола; розоболока'ццо, розоболока'ц'ц'а' — раздеваться; обр'эд'и'т' — убрать; о'болоко-облако; борон'и'ццо — борон'и'ц'ц'а' — защищаться; в'о'дро — ясная погода; л'з'а — можно (кабы л'з'а бы'ло); л'э'тос' — в прошлом году; п'о'рс — палец; скру'та — одежда; бра'т' — убрать, прибрать; п'э'таццо, п'э'тац'ц'а — возиться, хлопотать; заста'т' — загонять скот; проч'кну'ццо, проч'кну'ц'ц'а — проснуться; холос'т'ага — молодой человек; мост — сени; баско'й — красивый; бас'и'т' — украшать; паха'т' хл'э'п — нарезать много хлеба; лыч'эй — листва свеклы, bla'з'н'ит' — казаться, мерещиться; гу'б'ина — грибы.

Черты, отличающие обследованные говоры от норм общенародного языка в литературно обработанной его форме существенны, но «они занимают сравнительно незначительное место среди общих элементов» ¹⁾ фонетиче-

¹⁾ Р. И. Аванесов. Цитированная работа, стр. 10.

ской системы, грамматического строя и словарного состава тем более, что в настоящее время литературный язык оказывает всё более заметное влияние на местные диалекты.

На территории, занятой кубено-озерскими говорами, сохранились явления, которые были характерны для русского языка в прошлом. Таковы, например, в области фонетики: рефлекс старого *ятъ*, мягкость согласного *ц'* в говоре деревни Колышкино; в области грамматики: флексия *ыйо* в родительном падеже единственного числа полных прилагательных женского рода; употребление при инфинитиве переходных глаголов существительных женского рода на *и* в именительном падеже в роли прямого дополнения; согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном собирательным существительным в форме единственного числа; сохранение сочетания винительного падежа с предлогом «*подле*» для выражения пространственных отношений и некоторые другие факты.

Диалектологическое изучение говоров Кубено-Озерского района Вологодской области (при условии сопоставления данных кубено-озерских говоров с данными других северновеликорусских говоров, а также с нормами общенародного русского языка и обращения к фактам древнерусского языка) может дать известный материал для изучения истории русского языка.
